

Эдуардо Хименес Де Аречага

**Современное международное
право**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 341
ББК 67.412
Э27

Э27 **Эдуардо Хименес Де Аречага**
Современное международное право / Эдуардо Хименес Де Аречага – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 478 с.

ISBN 978-5-458-24030-7

Серия: Общественные науки за рубежом. Аречага является автором ряда крупных работ по международному праву. В числе их: «Голосование и рассмотрение споров в Совете Безопасности» (1951 г.); «Конституционное право Организации Объединенных Наций», (1958 г.); «Курс международного права» в 2-х томах (1959, 1961 гг.); «Координация систем ООН и Организации американских государств в вопросах мирного разрешения споров и коллективной безопасности» (1964 г.). Настоящая книга, вышедшая в 1980 г. в Мадриде, представляет собой общий курс международного права, который был прочитан автором в Гаагской академии международного права в 1978 г. В испанское издание им внесены некоторые изменения.

ISBN 978-5-458-24030-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нениях. Это основная норма современного международного права и краеугольный камень мирных отношений между государствами» (с. 136).

Аречага отвергает имеющее некоторое распространение в буржуазной международно-правовой литературе расширительное толкование права государств на самооборону, которое подрывает принцип неприменения силы и угрозы силой и прямо противоречит Уставу ООН. Полемизируя с австралийским профессором Стоун и английским профессором Уолдоком, он с полным основанием отстаивает положение, согласно которому право на самооборону возникает только в случае вооруженного нападения. «Требование ст. 51 Устава ООН о необходимости наличия вооруженного нападения должно соблюдаться...» (с. 151) — подчеркивает он.

Правильно считая, что в соответствии с Декларацией о принципах международного права 1970 г. международное право запрещает репрессалии с применением вооруженной силы, Аречага приводит убедительные доводы, опровергающие утверждение тех, правда немногочисленных, буржуазных авторов, которые заявляют, что подобные репрессалии допустимы. Он считает противоречащим международному праву введенный Соединенными Штатами в 1962 г. так называемый «карантин» против Кубы и показывает несостоятельность выдвинутых в свое время советниками по правовым вопросам госдепартамента США Шейзом и Микер тезисов в оправдание этой акции США (с. 210).

Столь же справедливы его высказывания о незаконности «гуманитарной интервенции». «В качестве примера оправданного применения силы, совместимого с целями Объединенных Наций,— говорит Аречага,— чаще всего приводят вмешательство по соображениям гуманитарного характера. По нашему мнению, соображения гуманитарного характера не превращают интервенцию в правомерный акт...» (с. 143).

Нельзя не отметить и позицию автора в таком важном вопросе, как вопрос о равноправии и самоопределении народов. Известно, что в течение некоторого, довольно длительного, времени после принятия Устава ООН подавляющее большинство буржуазных авторов не хотело соглашаться с тем, что принятие Устава ООН явилось благодаря усилиям Советского Союза поворотным пунктом, ознаменовавшим признание принципа равноправия и

самоопределения народов как общепризнанного принципа международного права; они продолжали утверждать, что это только политический лозунг.

Упоминая о попытках некоторых авторов и сегодня отрицать наличие этого принципа в международном праве, Аречага пишет, что «упоминание о принципе самоопределения в ст. 1 и 55 Устава ООН наполнено большим внутренним содержанием и имеет важное значение» (с. 157). Развитие этого принципа, говорит он, привело к тому, что колониализм был поставлен международным правом вне закона. С юридической точки зрения этот процесс завершился провозглашением Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам — принятой, как известно, по инициативе СССР, — которую называют Великой хартией деколонизации. Принцип самоопределения народов, продолжает Аречага, «полностью покончил с представлениями о «просвещенном управлении колониями», то есть с предположением, согласно которому каждая колониальная держава должна по своему собственному усмотрению постепенно подвести зависимые территории к самоуправлению в соответствии со специфическими обстоятельствами, присущими каждой территории и ее народам, и с их разными ступенями развития» (с. 158).

Автор обращает внимание читателя на содержащееся в Декларации о принципах международного права 1970 г. положение, согласно которому «каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится в изложении принципа равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость» (с. 154). Вместе с тем он отмечает, что в соответствии с декларацией 1970 г. государства могут «оказывать моральную и материальную поддержку народам, борющимся за свое самоопределение...» (с. 169).

Известно, что народы Латинской Америки в течение многих десятилетий оказывают сопротивление постоянно-му вмешательству США в их внутренние дела. Поэтому естественно, что автор подвергает подробному анализу принцип невмешательства во внутренние дела.

В книге приводится следующая выдержка из декларации 1970 г.: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применения экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добить-

ся подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от него каких бы то ни было преимуществ». Нельзя не согласиться с автором в том, что это положение декларации имеет особо важное значение. «Ключевые слова этой фразы — «добиться подчинения себе другого государства» — отражают саму суть акта вмешательства и перекликаются с традиционной доктриной, определяющей вмешательство как «произвольное вторжение», — пишет Аречага. — Наличие элемента принуждения в таком акте вмешательства позволяет квалифицировать его как нарушение международного права, вне зависимости от того, была ли применена сила или же было оказано только экономическое или политическое давление» (с. 176).

Автор, в частности, напоминает, что, когда в 1964 г. была начата разработка проекта Декларации о принципах международного права, США возражали против включения в него положения о том, что невмешательство является одним из основных принципов, вытекающих из Устава ООН. Представители США утверждали, будто п. 7 ст. 2 Устава ООН явно предусматривает лишь невмешательство со стороны Организации Объединенных Наций как таковой и настаивали на том, что положения этого пункта не относятся к действиям государств. Эти возражения Соединенных Штатов были решительно отвергнуты в ходе обсуждения текста декларации (с. 171).

В книге весьма положительно оценивается принятое Комиссией международного права по предложению специального докладчика профессора Р. Аго деление международных правонарушений на международные преступления и международные деликты: «Одним из важнейших шагов в направлении развития международного права явилось предложение Комиссии международного права проводить при кодификации норм, касающихся ответственности государств, различие между международными преступлениями и международными деликтами» (с. 413).

С этим нельзя не согласиться. В советской международно-правовой литературе мысль о необходимости проведения различия «между простыми нарушениями международного права и международными преступлениями» высказывалась еще вскоре после второй мировой войны¹.

¹ См.: Левин Д. Б. Проблема ответственности в науке международного права. «Известия Академии Наук СССР». 1946, № 2, с. 105.

Она была развита в других работах советских юристов-международников.

Еще двадцать лет назад автор настоящей статьи писал, что эта мысль «является, на наш взгляд, правильной, с той, однако, поправкой, что об этом следует говорить не *de lege ferenda*, а как о положении действующего международного права»¹. Поэтому сомнительно, можно ли квалифицировать, как это делает автор, предложение комиссии, о котором идет речь, как относящееся полностью к прогрессивному развитию международного права. Тем не менее элемент прогрессивного развития в предложении Комиссии международного права наличествует, поскольку в нем дается расширенное и уточненное понятие международного преступления.

К обоснованному выводу приходит автор и при рассмотрении вопроса об обычных нормах международного права, несмотря на некоторую непоследовательность в его трактовке. В буржуазной международно-правовой литературе широкое распространение имеет точка зрения, согласно которой договорные нормы международного права являются результатом соглашения и, следовательно, в их создании участвуют воли государств, в то время как обычные нормы международного права складываются спонтанно, независимо от воли государств. Автор как бы присоединяется к этой точке зрения, указывая, что «при рассмотрении вопросов обычного международного права Международный Суд занял новаторскую и многообещающую, на наш взгляд, позицию», якобы отвергнув «волюнтаристскую концепцию обычая» (с. 23).

По-видимому, под «волюнтаристской концепцией обычая» Аречага понимает концепцию немецкой школы XIX века, согласно которой международно-правовые нормы свободно принимаются государством в результате «самоограничения» и связывают его лишь до тех пор, пока в силу своей суверенной воли государство не пожелает отказаться от этого самоограничения. Однако эта концепция не имеет ничего общего ни с буржуазной концепцией соглашения, ни тем более с марксистско-ленинской концепцией согласования воли государств.

Как известно, согласно господствующей в советской международно-правовой науке концепции, как договор-

¹ Тункин Г. И. Вопросы теории международного права, М., 1962, с. 296—297.

ные, так и обычные нормы международного права создаются путем согласования воли государств и, следовательно, имеют одну юридическую основу. Эта концепция исходит из того, что в условиях существования суверенных, принадлежащих к различным социальным системам государств, над которыми нет власти, могущей диктовать им нормы права, единственным способом создания обязательных для них правовых норм является согласование их воли (соглашение).

Применение этой концепции на основе исторического материализма помогло создать цельную марксистско-ленинскую теорию современного международного права, решившую прежде всего такие кардинальные в условиях сосуществования государств с противоположным социальным строем проблемы, как соотношение базиса и надстройки применительно к международному праву, возможность существования и развития в современных условиях общего международного права, его сущность, процесс создания международно-правовых норм.

Представляется, что и в буржуазной науке международного права за последнее десятилетие происходит некоторое возрождение концепции соглашения как основы международного права, которая была господствующей в XIX веке и из которой советская концепция согласования воли государств взяла рациональное зерно. Это, несомненно, прежде всего результат быстрого прогрессивного развития международного права за последнее десятилетие, свидетельствующего о том, что нормы международного права создаются путем согласования воли государств, а также результат влияния советской доктрины международного права.

Из дальнейших рассуждений автора следует, что он отнюдь не отвергает концепцию соглашения как основы обычных норм международного права. Касаясь общих международных договоров, т. е. договоров, предполагающих участие всех государств, он пишет: «Установленные в соответствии с указанной процедурой общим договором правила поведения государств, как и обычные нормы международного права, являются результатом консенсуса заинтересованных сторон, а не навязаны им неким законодателем или внешним авторитетом» (с. 27). К этой мысли автор возвращается и на последующих страницах своей работы. Таким образом, он признает, что обычные нормы международного права являются результатом

соглашения между государствами. Автор правильно возражает против противопоставления обычных и договорных норм международного права, указывая, что те и другие составляют «единое гармоничное целое» (с. 27).

Проблема взаимодействия договорных и обычных норм международного права хорошо разработана в советской международно-правовой литературе. В ней, в частности, показано, как многие положения международных договоров становятся нормами общего международного права, причем для государств — участников этих договоров они являются договорными нормами, а для тех государств, которые не являются участниками договоров, но признали обязательность этих норм, — обычными нормами.

Отмечая положительные стороны работы, мы не можем в то же время согласиться с рядом содержащихся в ней положений. Остановимся на тех из них, которые вызывают наиболее серьезные возражения.

Это прежде всего отрицательное отношение автора к принципу единогласия великих держав в Совете Безопасности ООН. «Ни одно государство, — пишет он, — не может доверять такой системе безопасности, при которой та или иная великая держава имеет возможность использовать право вето не только для защиты себя самой, но и для защиты союзнического или дружественного государства вопреки решению Совета Безопасности о том, что это государство нарушило мир или совершило акт агрессии» (с. 179).

Вопрос этот имеет чрезвычайно серьезное значение. Представители многих буржуазных государств, как и представители ряда развивающихся стран, выступают против принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности, нередко пытаясь изобразить дело так, будто именно право вето препятствует эффективной деятельности ООН. Они выступают за отказ от права вето и даже ратуют за принятие Генеральной Ассамблеей обязательных решений, т. е., по существу, международных законов.

Обеспечение эффективности Организации Объединенных Наций является весьма важной проблемой. Она возникла во всей своей значимости уже в период создания ООН. Трудность ее решения была связана с необходимостью обеспечить суверенитет государств, невмешательство в их внутренние дела, без чего невозможно развитие нормальных отношений между государствами, а также со

стремлением избежать опасности превращения ООН в орудие империалистических держав.

Естественно, что это касается главным образом и прежде всего Совета Безопасности — органа, на который согласно Уставу возлагается особая ответственность в деле поддержания международного мира и безопасности.

Два возможных крайних решения являлись непримлемыми. Принцип единогласия всех членов Совета имел бы тот же парализующий эффект, какой он имел в рамках Лиги Наций. Принятие же решений большинством голосов (простым или квалифицированным) противоречило бы прежде всего требованию недопущения превращения Организации в орудие государств одной социальной системы.

В конечном счете на конференции трех великих держав в Ялте в начале 1945 г. был принят по предложению американского президента Рузвельта принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности. «Ялтинская формула» учитывала особую роль великих держав в осуществлении главной функции ООН — обеспечении мира и безопасности — и, что весьма важно, исключала возможность превращения Совета Безопасности, а следовательно, и всей Организации Объединенных Наций в орудие государств одной социальной системы.

Без стабилизирующего фактора, каким является принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, было бы невозможно существование органа, которому согласно Уставу ООН предоставлено полномочие принимать обязательные для членов Организации решения по важнейшим вопросам обеспечения международного мира и безопасности — основной и наиболее острой сферы ее деятельности.

Конечно, «ялтинская формула» не идеальна, и злоупотребления правом вето возможны и действительно имеют место. К их числу относятся прежде всего многочисленные случаи применения вето, которое Соединенные Штаты налагали на резолюции Совета Безопасности, предусматривавшие принятие эффективных мер, направленных против агрессивных действий Израиля в отношении арабских стран. Но дело тут не в принципе единогласия, а в проводимой США политике силы и гонки вооружений, которая в самой своей основе противоречит современному международному праву.

Нельзя согласиться с автором также в вопросе об оценке резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 377 (V) от 3 ноября 1950 г., названной в полном противоречии с ее содержанием «Единство в пользу мира», и с его суждениями относительно возможности изменения Устава ООН путем резолюций Генеральной Ассамблеи.

По мнению автора, как, впрочем, и многих других буржуазных юристов-международников, резолюция 377 (V) означала изменение Устава ООН. Он считает, что Устав ООН предоставляет главным органам Организации Объединенных Наций определенные, четко сформулированные или подразумеваемые полномочия, позволяющие вносить некоторые конституционные изменения с целью исправления наиболее существенных недостатков существующей системы безопасности (с. 180).

В действительности же в Уставе Организации Объединенных Наций, являющемся договором — что общепризнано, — который определяет цели и задачи Организации, функции и полномочия ее органов, нет ни одного положения, которое бы уполномочивало органы ООН изменять те или иные его статьи.

Резолюция 377 (V), имевшая целью изменить соотношение компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, с тем чтобы обойти принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности и дать возможность Генеральной Ассамблее, в которой Соединенные Штаты и их союзники имели тогда подавляющее большинство, санкционировать интервенцию США в Корею, являлась просто-напросто грубейшим нарушением Устава ООН, а не его изменением.

Что касается вопроса о так называемой «подразумеваемой компетенции» ООН и ее органов, то и здесь позиция автора также представляется необоснованной. По его словам, «„операции по поддержанию мира“ — выражение, не употребляемое в Уставе ООН, — представляют собой дальнейшее развитие *praeter legem* Устава ООН, не имеющее юридического обоснования ни в Главе VI, ни в Главе VII Устава. Они вытекают из подразумеваемых полномочий Объединенных Наций, направленных на достижение их главной цели — поддержание международного мира и безопасности — посредством принятия эффективных коллективных мер» (с. 202-203).

В данном вопросе Арчага, как и подавляющее большинство буржуазных авторов, основывается на известном

консультативном заключении Международного Суда от 1949 г. по делу о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН.

В этом консультативном заключении Международного Суда концепция «подразумеваемой компетенции» была сформулирована следующим образом: «По международному праву,— говорилось в нем,— должно предполагаться, что Организация имеет такие полномочия, которые, хотя они прямо и не предусмотрены Уставом, предоставлены ей в силу логики вещей, как существенно необходимые для выполнения ее обязанностей»¹. По мнению Суда, «следует исходить из того, что все члены Организации, возлагая на нее определенные функции и соответствующие обязанности и ответственность, предоставили ей компетенцию, необходимую для эффективного осуществления этих функций»². И далее: «Права и обязанности такого образования, как Организация, должны определяться ее целями и функциями, как они определены или подразумеваются в основополагающих документах и получили развитие в практике»³.

В резолюции 377(V) эта концепция получила свое отражение и была использована для обоснования тезиса, согласно которому в случае бездействия Совета Безопасности Генеральная Ассамблея может взять на себя принятие соответствующих мер, включая «применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Конечно, уставы международных организаций, особенно Устав такой организации, как ООН, функции которой чрезвычайно обширны и разнообразны, практически не могут содержать постановлений на все возможные случаи их будущей деятельности. Поэтому при выработке уставов неизбежно предполагается, что ряд вопросов деятельности международной организации, разумеется не являющихся главными, будет урегулирован на основе устава в процессе ее функционирования. Только в этом плане и можно говорить о подразумеваемой компетенции.

Таким образом, вопрос о наличии и объеме подразумеваемой компетенции в каждом отдельном случае есть вопрос толкования устава соответствующей международной

¹ I. C. J. Reports, 1949, p. 182.

² Ibid., p. 182—183.

³ Ibid., p. 180.

организации. Речь в данном случае идет не о компетенции изменять устав, а о компетенции действовать на основании устава.

Однако толкование понятия «подразумеваемая компетенция» в упомянутом консультативном заключении Международного Суда, в резолюции 377 (V) и в буржуазной доктрине международного права, нашедшее отражение и в настоящей книге,— это нечто совсем другое. Такое понимание «подразумеваемой компетенции» включает следующие основные компоненты: а) компетенция ООН определяется целями и функциями организации; б) эти цели и функции могут подразумеваться; в) если один орган ООН не предпринимает соответствующих действий, это может сделать другой орган, независимо от постановлений ее Устава.

Ни одно из этих положений не выдерживает критики. Самым кратким образом на это можно ответить так: 1) компетенция ООН определяется не только целями и функциями Организации, но и конкретными постановлениями ее Устава; 2) цели и функции ООН не могут подразумеваться; они могут расширяться на основе Устава ООН, но не в противоречии с его положениями; 3) Генеральная Ассамблея не может принять на себя функции, относящиеся к исключительной компетенции Совета Безопасности, ибо это было бы нарушением Устава ООН¹.

Нельзя не отметить, что позиция автора по рассматриваемому вопросу, изложенная в настоящей работе, отражает некоторое изменение как его собственной прежней позиции, так и позиции буржуазной международно-правовой науки в целом. В течение некоторого времени после принятия резолюции 377(V) большинство буржуазных юристов-международников, писавших по этому вопросу, приветствовали эту резолюцию как новый этап в развитии права международных организаций. В результате появилась так называемая «конституционная теория» уставов международных организаций.

Двадцать пять лет назад в своей обширной работе «Конституционное право Организации Объединенных Наций», касаясь резолюции 377 (V), Аречага писал: «Это конституционное развитие показывает, что Устав — это

¹ Подробнее см.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970, с. 372—378.